

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

В. Е. Войтов

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА
И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В МОНГОЛИИ**

Среди многочисленных работ академика Б. Я. Владимирцова по вопросам этнографии, истории религии и искусства народов Центральной Азии выделяется единственная публикация, посвященная результатам его археологических исследований в Монголии. Полевая археология не занимала большого места в сфере научных интересов ученого, однако ему удалось внести свой особый вклад в дело изучения древнетюркских памятников Монголии [Владимирцов, 1927, с. 38—42].

В июле — сентябре 1925 г. Б. Я. Владимирцов возглавлял этнологический отряд Комиссии СНК по научному исследованию Монголии, работавший по приглашению Ученого комитета (ныне Академия наук МНР) и при его всестороннем содействии. Основной район работ экспедиции насыщен археологическими памятниками различных эпох, слабо и неравномерно изученных и до настоящего времени. Помимо занятий, входивших в круг непосредственных интересов экспедиции, она «ставила себе задачей ознакомление с древними могилами и городищами, могущими встретиться на ее пути. Мы поэтому, — отмечал Б. Я. Владимирцов, — тщательно осматривали, обмеривали и фотографировали все встречавшиеся нам могильники, херексуры, валы и т. д. В местности Баин-даване-аман¹ мы нашли довольно интересную могилу, на которой и проработали несколько дней... Общий вид и устройство могилы, орнамент на плите и линия камней — все это говорило, что перед нами древнетюркское погребение, по всей вероятности, VIII века. Ввиду интереса, вызываемого этим погребением, ввиду того что тюркские погребения еще далеко не вполне изучены, мы решили более подробно ознакомиться с найденным могильником и произвести небольшие, предварительные, так сказать, раскопки» [Владимирцов, 1927, с. 38—39]. Подробное описание

¹ Она находится на 51-м километре трассы Улан-Батор — Ундурхан, влево от дороги. Топографическая привязка памятников, упоминаемых Б. Я. Владимирцовым, здесь и далее дается по результатам обследований автора.

раскопок, фотографии найденных здесь вещей и каменного изваяния были опубликованы, а сами вещи и отбитая в далеком прошлом голова статуи переданы в музей Ученого комитета (ныне Центральный Государственный музей в Улан-Баторе).

Затем Б. Я. Владимирцовым были произведены «небольшие раскопки» на памятнике Тоньюкука² «для того, чтобы лучше познакомиться с разными типами тюркских погребений» [Владимирцов, 1927, с. 41]. Результатом этих работ явился важный вывод: «Ни на могильнике Баин-даване-аман, ни на могиле Тоньюкука мы не обнаружили следов самого погребения: нигде не нашли следов костей или каких-либо остатков сожжения от трупа» [Владимирцов, 1927, с. 42]. Далее в статье упоминаются «еще два могильника, тоже, несомненно, тюркские, той же эпохи... но только они малы и бедны... Раскопок на этих малых могильниках мы не производили» [Владимирцов, 1927, с. 42]³. Наконец, Б. Я. Владимирцов съездил в район среднего течения р. Толы, где осмотрел раскопки Г. И. Боровки на памятнике Улан-Худжир⁴.

На основании кратковременных и весьма незначительных по объему работ, а также «принимая во внимание описания орхонских памятников», Б. Я. Владимирцову удалось создать первую классификацию древнетюркских «княжеских могил» — культово-поминальных сооружений VI—VIII вв., — не потерявшую своего значения и до настоящего времени: «1) ханские могилы вроде могилы Билге-хана с черепахой и надписями; 2) могильники типа Тоньюкука; 3) могильники типа виденного нами на Баин-даване-аман, не имеющие надписей; 4) могильники, отличающиеся от предыдущего типа тем, что не имеют кирпичного пола, и, наконец, 5) маленькие бедные могильники, небольшого размера, воздвигнутые из простого камня, без статуй и, очевидно, не имевшие храма» [Владимирцов, 1927, с. 42].

Как видим, построение этого типологического ряда основано на общей планировке памятников, их размерах, а также на наличии или отсутствии на них тех или иных элементов. Б. Я. Владимирцов не ставил себе целью произвести многосторонний анализ всех известных к его времени культово-поминальных сооружений Монголии VI—VIII вв., однако ему удалось чрезвычайно точно определить структуру основных типов памятников, выявить зависимость их размеров и набора составных элементов от социального положения лиц, которым они посвящены.

На протяжении нескольких десятилетий классификация

² Комплекс в честь Тоньюкука расположен в 10—12 км к югу от памятника Баян-Даваа-ам I и на таком же расстоянии к востоку от г. Налайхи.

³ Этот памятник был впервые открыт в 1924 г. В. А. Казакевичем и В. И. Лисовским [Казакевич, Лисовский, 1924, с. 8], а в 1983 г. он графически зафиксирован автором статьи. Памятник, получивший название Цаган-Обо III, расположен в 3 км к северо-востоку от памятника Тоньюкука. Поскольку сам Б. Я. Владимирцов его не видел, в приведенном им описании допущены неточности.

⁴ Памятник расположен в 45 км к юго-западу от Улан-Батора.

Б. Я. Владимирцова не подвергалась пересмотру и не дополнялась, поскольку накопление материалов по этой тематике происходило в основном спонтанно. Только с созданием в 1969 г. Советско-монгольской историко-культурной экспедиции Академий наук СССР и МНР (СМИКЭ) появилась возможность производить целенаправленный поиск и изучение древнетюркских памятников⁵. В результате этих работ были впервые обмерены и графически зафиксированы многие известные памятники в Центральной и Северной Монголии, найдено несколько новых, а на ряде комплексов произведены различного рода раскопки.

Накопленные за время полевых работ материалы, архивные данные и публикации позволяют ныне дать более развернутую классификацию культово-поминальных сооружений древнетюркского времени (конец VI — середина VIII в.). Взяв за основу типологический принцип, предложенный Б. Я. Владимирцовым, мы также подразделяем все известные сейчас памятники (более 70 единиц) на пять основных типов. В каждом из них в отличие от классификации Б. Я. Владимирцова мы выделяем от одного до четырех подтипов по определенным хронологическим, этническим или палеосоциологическим признакам. Наиболее веские основания для типологизации имеют памятники I типа, сооруженные в честь каганов и принцев-наследников, а также памятники типа II-A, посвященные высшим административным и военным чинам эпохи Второго каганата (689—744). На большей части из них сохранились стелы с надписями, включающие даты и имена, а потому имеющие значение абсолютного источника. Остальные памятники делятся на типы и подтипы только по планировочным признакам⁶.

Памятники I типа (табл. 1)

Подтип А. Поминальные сооружения этой группы не были известны во времена Б. Я. Владимирцова. Первый из них, Бугутский, был открыт и частично раскопан в 1956 г. Ц. Доржсүрэнгом на правом берегу Баян-Цаган-гола, левого притока р. Хойт-Тамир [Доржсүрэн, 1958], а в 1982 г. на памятнике производил раскопки археолого-эпиграфический отряд СМИКЭ [Кляшторный, 1984, с. 511—512]. Гиндин-булакский памятник впервые упоминается участниками монгольско-венгерской экспедиции И. Эрэйи и Д. Цэвэндоржем, которые в 1974 г. занимались здесь разборкой каменной насыпи [Erdélyi, 1979, с. 116]. Комплекс на р. Идэр также был обнаружен в 1956 г. Ц. Дорж-

⁵ Автор настоящей статьи был включен в состав экспедиции в 1976 г. и участвовал в работах Каракорумского (руководитель Н. Сэр-Оджав) и археолого-эпиграфического (руководитель С. Г. Кляшторный) отрядов экспедиции.

⁶ Безусловно, приводимые в статье таблицы в дальнейшем будут дополняться и уточняться.

Таблица 1

Подтип	Название памятника	Дата	Кому посвящен	Тип жертвенника и размеры, м	Узор на ящике	Статуя людей	Балгалы		Вал, м	Ров, м	Храм	Имяния		Тип пола	Степа	Черепашка
							Мягкая	Камневая				Сараны	Львы			
А	Бугутский	582 г.	Махантегин ?	насыпь; 14×0,9	—	—	300 м	258	59×30	внутр.	+	—	—	глин.	1	1
	Гиндин-булак	конец VI—нач. VII в.	?	насыпь; 14×0,5	—	—	732 м	183	57×41	внутр.	?	—	—	глин.	—	—
	Идэрский	конец VI—нач. VII в.	?	насыпь; 15×0,9	—	—	308 м	210	внутр. 70×50	внутр.	+	—	—	глин.	—	1
Б	Унгути 1	642—645 гг.	Инань-каган?	—	—	больше 30	2,2 км	552	60×40	внутр.	+	1	3	глин.	—	—
В	Шивэт-Улан	692—693 гг.	Ильтерес-каган?	насыпь; 35×5	—	9	—	—	100×40	?	+	4	4	?	1	—
	Мухарский	716—717 гг.	Капаган-каган?	ящик; уничтожен	ромбы	3	1 км	115	60×30	внутр.	+	—	1	кирп.	—	1
	Хушо-Цайдам II	732 г.	Кюльтегин	Блок; 2,2×1,2	—	больше 10	4,5 км	169?	внутр. 100×55	+	+	2	—	кирп.	1	1
	Хушо-Цайдам I	735 г.	Бильгеканган ?	Блок; 2,4×1,2	—	7	3 км	?	95×60	внутр.	+	—	1	кирп.	1	1
	Тараэлэн-Хушо	VIII в.	?	ящик; ?	ро-сетки	больше 5	?	?	?	?	+	2?	?	?	1	?
Г	Хушон-Тал	746—759 гг.	?	насыпь; 10×0,7	—	—	—	—	56×44	внутр.	—	—	—	глин.	—	1
	Могойн-Шинесу 1	759—760 гг.	Элетмиш-Бильгеканган	насыпь; 26×1,2	—	—	—	—	внутр. 47×45	внутр.	—	—	—	глин.	1	1

сурэном, в 1976 г. его обследовали С. Г. Кляшторный и С. Харжаубай [Кляшторный, 1977, с. 588], а в 1982 г. археолого-эпиграфический отряд СМИКЭ заложил на памятнике два раскопа [Кляшторный, 1984, с. 511].

Согдийская надпись на Бугутской стеле позволяет установить дату этого комплекса. Он был сооружен в 582 г. и является самым ранним датированным поминальным памятником эпохи Первого тюркского каганата [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 121; Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 52]. Датировка Гиндин-булакского памятника, расположенного в 5 км от Бугутского, установлена на основании как общего сходства в планировке, так и по сохранившейся на одном из балбалов родовой (?) тамге, идентичной тамге на балбале из Бугута. Идэрский комплекс датируется нами тем же временем, хотя он имеет уже несколько более развитую форму — двойной ряд балбалов на храмовой площадке.

Таким образом, в подтип А выделяются памятники времен Первого тюркского каганата (552—630). Основными отличительными их элементами являются каменные насыпи на площадках, скрывающие под собой составленные из десятков плит квадратные ограды, и отсутствие изваяний людей. В последующий период древнетюркской истории эти ограды «теряют» каменную наброску и трансформируются в каменные ящики-«саркофаги», сооруженные из четырех плит и высоко поднимающиеся над землей. Процесс видоизменения претерпевают со временем и балбалы на храмовых площадках; позднее они заменяются каменной антропоморфной скульптурой. Все остальные элементы комплексов сохраняются и в дальнейшем на большинстве памятников не только I, но и II—III типов.

Под тип Б. Этот подтип составляет всего один памятник — Унгету I, расположенный в среднем течении р. Толы. Он был открыт в 1891 г. Н. М. Ядринцевым [Ядринцев, 1901, с. 8—9], в 1925 г. раскопки здесь производил Г. И. Боровка [Боровка, 1927, с. 77—79], а в 1976, 1978 и 1979 гг. — Каракорумский отряд СМИКЭ [Войтов и др., 1977, с. 587—588; Волков и др., 1979, с. 596—597].

Последние раскопки показали, что комплекс Унгету был двухслойным, поэтому мы выделяем в нем два разновременных и разнотипных памятника — Унгету I и Унгету II. На первом из них уже отмечается появление новых элементов — храма из кирпича под черепичной крышей и скульптурных изображений людей, львов и баранов. Храм располагался в западной части храмовой площадки, на месте каменной насыпи с оградой у памятников типа I-A, а изваяния людей, стоявшие в три-четыре ряда, выполнены в манере, нехарактерной для антропоморфной скульптуры раннего средневековья. Эти две особенности — утрата насыпи с оградой и необычная иконография статуй людей, а также ряд мелких отличий в найденном при раскопках инвентаре позволили нам связать памятник Унгету I с именем

сеяньтоского правителя Инань-кагана и датировать его 642—645 гг. [Войтов*].

Подтип В. Памятники этой группы характеризуются наибольшей полнотой составных элементов и относятся к I типу в классификации Б. Я. Владимирцова. Среди поминальных сооружений данного типа это наиболее многочисленная группа, датируемая периодом Второго каганата (689—744).

Памятник Шивэт-Улан, открытый в 1912 г. Г. И. Рамstedтом [Руднев, 1912, с. 2—3], расположен при слиянии Хануя и Хунигола на склоне невысокой сопки, чем отличается от всех других древнетюркских поминальных памятников, всегда лежащих на открытых степных пространствах. В 1927 г. памятник изучался Б. Б. Бамбаевым [Бамбаев, 1927, с. 3—4], в 1956 г. Ц. Доржсүрэн [Доржсүрэн, 1957, с. 46—48], в 1976 г. В. В. Волковым, В. В. Свининым и Д. Цэвэндоржем⁷ и в 1977 г. С. Г. Кляшторным и С. Харжаубаем [Кляшторный, 1978, с. 575—576; Харжаубай, 1979, с. 15—23; Харжаубай, 1982, с. 103—120].

Помимо топографического положения этот комплекс имеет еще ряд своеобразных признаков. Внешняя ограда его устроена в виде расположенных прямоугольным каменных насыпей, соединенных перемильчиками. Внутреннее пространство разделено насыпной каменной стенкой на две равные части: в западной находится огромная каменная насыпь, под которой скрывается какое-то сооружение из камня, а в восточной в беспорядке лежат изваяния людей, баранов и львов. За входным проемом с восточной стороны на прямоугольной подставке, заменяющей черепаху, стояла стела, лицевая сторона которой покрыта десятками тамговых знаков. Сведениями о наличии здесь рва мы не располагаем; балбалов на памятнике нет. С. Г. Кляшторный предполагает, что этот комплекс был сооружен в честь основателя Второго тюркского каганата Ильтерес-кагана [Кляшторный, 1978, с. 576].

Мухарский памятник, расположенный на левом берегу р. Толы, содержит набор наиболее типичных для данного подтипа элементов. Он был открыт в 1891 г. Н. М. Ядринцевым [Ядринцев, 1892, с. 29; Ядринцев, 1901, с. 12], а в 1925 г. раскопки на нем производили П. К. Козлов [Козлов, 1949, с. 87—90] и Г. И. Боровка [Боровка, 1927, с. 12]. В 1983 г. съемку плана памятника и зарисовку изваяний выполнили участники археолого-эпиграфического отряда СМИКЭ. По предположению С. Г. Кляшторного, изображенные на боковых щитках каменной черепахи «козел с ромбовидной головой (геральдический знак второй тюркской династии, 689—744) и змея... возможно, связаны с указанием на дату по 12-летнему циклу („год змеи“» [Кляшторный, 1980, с. 588]. Условное отнесение данного памят-

⁷ Данные об этих работах не опубликованы, но в распоряжении автора имеются план памятника и рисунки некоторых изваяний, выполненные участниками этого отряда.

ника к Капаган-кагану основано на том, что это единственный из ханов Второго каганата, умерший в «год змеи».

Памятники Хушо-Цайдам I и Хушо-Цайдам II, найденные в 1889 г. Н. М. Ядринцевым на правом берегу р. Кокшин-Орхон [Ядринцев, 1889, с. 11—12], наиболее известны в специальной и научно-популярной литературе. Они посвящены военно-политическим деятелям начала VIII в. н. э.— Бильге-кагану и Кюль-тегину. История изучения памятников Хушо-Цайдама и подробное описание I и II комплексов даны нами в специальной статье [Войтов, 1985]. Здесь же следует отметить, что единственным отличительным элементом на них являются большие гранитные кубы со сквозными цилиндрическими отверстиями в центре (диаметры 70—80 см), стоящие в западной части храмовых площадок. Функционально они соответствуют оградкам под каменными насыпями или ящикам-«саркофагам» и больше нигде не встречаются.

Во время путешествия по Монголии в 1925 г. П. К. Козлов в верховьях Онгин-гола, в местности Тараэлэн-хушо, обнаружил большой древнетюркский поминальный комплекс. Судя по его описанию, там находилось несколько сильно поврежденных статуй людей и две фигуры животных, орнаментированная плита жертвенного ящика, «четырёхугольный гранитный обломок с письменами» и ряд столбиков-балбалов [Козлов, 1949, с. 117]. Других сведений об этом памятнике нет. Включение комплекса Тараэлэн-хушо в данный подтип условно; возможно, его следует отнести к памятникам типа II-A, тоже имевшим стелы с надписями. Окончательное определение его принадлежности станет возможным лишь после обнаружения здесь изваяния черепахи, служившей подставкой для стелы только на каганских памятниках, или же после прочтения «письмен».

Подтип Г. Выделенные в эту группу памятники относятся к завершающей стадии развития поминальных сооружений в честь высшей знати. При сохранении отдельных элементов архитектурной планировки они отличаются от предыдущих подтипов совершенно иным композиционным построением. Основные отличия их заключаются в ориентировке по линии север—юг, в отсутствии изваяний, храмов и балбалов. На центральных площадках этих памятников, ограниченных, как и прежде, валами и рвами, сооружены большие каменные насыпи, к северу от которых стояли каменные черепахи со стелами.

Датировка и этническая принадлежность этих памятников установлены благодаря дешифровке рунической надписи на стеле из Могойн-Шине-усу I, найденной и прочитанной Г. И. Рамstedтом в 1912 г. [Рамstedт, 1914, с. 34—39, 40—49]. Надпись и весь комплекс посвящены второму кагану уйгурской династии — Элетмиш-Бильге-кагану (Моюн-чуру) и датируются 759—760 гг. Памятник никем не раскапывался, но съемка его плана в 1984 г. позволила отождествить с ним другой комплекс — Хушон-Тал, расположенный в среднем течении Хуни-гола. Последний был

в значительной степени раскопан в 1976—1977 гг. В. В. Волковым и В. В. Свининым (Войтов и др., 1977, с. 587), но при раскопках не было обнаружено ни каменной ограды под насыпью, ни изваяний, ни остатков храма. Видимо, такой же результат дадут раскопки в Могойн-Шине-усу I.

Из двух этих памятников Хушон-Тал — более ранний по времени, поскольку после принятия в 761 г. уйгурами манихейства в качестве государственной религии традиция сооружения поминальных комплексов рассматриваемого типа прервалась. Таким образом, памятники типа I-Г как бы завершают двухвековую эволюцию поминально-культовых комплексов, посвященных высшей знати раннесредневековых кочевников Центральной Азии.

Памятники II типа (табл. 2)

Подтип А. Данную группу составляют памятники, выделенные Б. Я. Владимирцовым во II тип. В нее вошли три хорошо известных поминальных комплекса с руническими надписями, сохраняющие все указанные элементы памятников I типа, кроме каменных черепак. Стелы здесь крепились в специально обработанных каменных блоках, что определялось общественным положением тех лиц, которым посвящены эти сооружения. Как известно, Алп-Элетмиш и Кули-чур были крупными военачальниками эпохи Второго каганата, а Тоньюкук — первым министром и полководцем, служившим при Ильтересе, Капагане и Бильге-кагане.

Онгинский памятник, открытый в 1891 г. Н. М. Ядринцевым, расположен у подножия г. Маниту в верховьях Онгин-гола [Ядринцев, 1901, с. 43]. В 1894 г. его посетил Д. А. Клеменц [Клеменц, 1895, с. 270], в 1926 г. — П. К. Козлов [Козлов, 1949, с. 145], в 1957 г. — Л. Йисл [Jisl, 1961, с. 77], а в 1962 г. работы здесь производил Э. Трыярски [Tujarski, 1966, с. 158 и сл.]. Текст надписи и перевод были опубликованы впервые В. В. Радловым [Radloff, 1895, с. 243—256], а затем последовали новые, уточненные переводы С. Е. Малова, Х. Оркуна, Дж. Клосона и др., в которых утверждалось посвящение памятника родителям Бильге-кагана и Кюль-тегина — Ильтерес-кагану и Иль-бильге-катун — или же полководцу Алп-Элетмишу. Не вдаваясь в тонкости перевода надписи, следует отметить, что Онгинский памятник был сооружен в 30-е годы VIII в. в память об одном из полководцев Ильтереса, а не в честь его самого, о чем свидетельствует подставка для стелы в виде гранитного блока.

Памятник Тоньюкука был найден в 1897 г. Е. Н. Клеменц в районе г. Налайхи в долине Баян-Цокто (соврем. название Цаган-Обо). В 1909 г. разведочные раскопки здесь производил Г. И. Рамстедт [Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 45], в 1925 г. — Б. Я. Владимирцов [Владимирцов, 1927, с. 41], а в 1957 г. он

Таблица 2

Помин	Название памятника	Дата	Кому посвящен	Размеры ящика, м	Узор на ящике	Статуи людей	Балгалы		Ваял, м	Ров	Храм	Изваяния		Тип пола	Сте-ла
							Длина м	Ширина м				Барани	Львы		
А	Цаган-Обо I	720-е годы	Тонью-кук	1) 2,6×2,6	розетки	8	1280	286	55×42	внутр.	6×6 м	—	—	кирп.	2
	Онгинский	731—732 гг.	Алп-Элет—миш?	2) 1,7×1,7 уничтожен	розетки?	больше 4	?	?	?	?	+	?	?	?	1
	Их-Хушот	742—745 гг.	Кули-чур	разбит	львы и финиксы	8	1000	165	53×35	внутр.	+	2	2	глин.	1
Б	Хушо-Цайдам III	нач. VIII в.	?	2,3×2,2	розетки	4	500	39	80×62	внутр.	+	1	—	?	—
	Батцэнгэл II	конец VII—нач. VIII в.	?	2,1×2,2	—	3	700	175	?	?	?	1	—	?	—
	Баян-Даваа-ам I	конец VII—нач. VIII в.	?	3×3	розетки	1	1000	86	32×24	внутр.	+	—	—	кирп.	—
В	Хушо-Цайдам IV	нач. VIII в.	?	2×2	финиксы	—	600	32	40×26	внутр.	+	—	—	?	—
	Улан-Худжир I	конец VII—нач. VIII в.	?	1,9×2,1	ромбы	2	?	?	?	?	+	—	—	глин.	—
	Эрдэнэмандал IV	конец VII—нач. VIII в.	?	1,9×2,3	ромбы	1	—	—	37×29	внутр.	+	—	—	глин.	—
Г	Цаган-Обо II	конец VII—нач. VIII в.	?	1,5×1,5	ромбы	1	300	48	19×19	внутр.	—	—	—	глин.	—
	Унгету II	конец VII—нач. VIII в.	?	2,5×2,5	ромбы	ПЕРЕИСПОЛЪЗОВАНЫ		—	—	—	—	—	—	глин.	—
	Эрдэнэмандал VI	конец VII—нач. VIII в.	?	1,8×2,3	«соты»	—	—	—	18×18	внутр.	—	—	—	глин.	—

был почти полностью раскопан монгольскими археологами [Сэр-Оджав, 1960, с. 27; Сэр-Оджав, 1962, с. 13]. В 1983 г. памятник был обследован археолого-эпиграфическим отрядом СМИКЭ.

Интересной особенностью данного комплекса является то, что на нем установлены две стелы с надписями и два орнаментированных каменных ящика, но нет изваяний львов и баранов. О дешифровке рунических текстов памятника Тоньюкука неоднократно писал С. Г. Кляшторный [Кляшторный, 1964; 1966; Кляшторный, Лившиц, 1978].

Памятник в местности Ихэ-Хушоту (Их-Хушот), расположенный близ соленых озер Давс-нур на юге Центрального аймака МНР, был обнаружен в 1912 г. В. Л. Котвичем [Котвич, 1914, с. VI—VII]. В 1962 г. он был осмотрен Э. Трыярски, а в 1983 г. несколько дней здесь работал археолого-эпиграфический отряд СМИКЭ. При этом был снят детальный план памятника, зарисованы изваяния и рисунки на плитах каменного ящика, украшенного львами и танцующими фениксами, а в разведочном шурфе найдены сотни обломков черепицы, расписной штукатурки и черепичные диски с оригинальным узором. Дешифровка рунической надписи на стеле показала, что памятник был сооружен в 740-е годы и посвящен бегу тардушей, западному шаду Второго каганата, Кули-чуру.

Подтип Б. В этот подтип (III тип, по классификации Б. Я. Владимирцова) вошли большие поминальные сооружения, утратившие стелы и статуи львов. Датировка этих и всех последующих безымянных комплексов (конец VII — начало VIII в.) основана на предположении о появлении и повсеместном распространении в период Второго каганата жертвенников в виде каменных ящиков из четырех плит, высоко поднимающихся над землей. Вымостка центральной площадки керамическими плитами или кирпичами известна здесь только на памятнике Баян-Даваа-ам I. Ящики на памятниках этого подтипа еще сохраняют большие размеры, но число изваяний людей резко сокращается. Это, видимо, объясняется социальным рангом лиц, которым они посвящены.

История изучения памятника Хушо-Цайдам III изложена в нашей статье [Войтов, 1985], а план и рисунки изваяний и орнаментов на плитах ящика выполнены в 1983 г. Памятник Батцэнгэл II частично изучен участниками Каракорумского отряда СМИКЭ в 1980 г.; памятник Баян-Даваа-ам I, как уже отмечалось, был раскопан Б. Я. Владимирцовым в 1925 г. и обследован археолого-эпиграфическим отрядом в 1983 г.

Подтип В. Сюда включены памятники, утратившие по сравнению с предыдущими кирпичные полы на храмовых площадках и изваяния баранов. Они составляют IV тип в классификации Б. Я. Владимирцова. Для них характерно уменьшение общих размеров, размеров плит ящиков и количества балбалов. Графическая фиксация памятника Хушо-Цайдам IV выполнена археолого-эпиграфическим отрядом СМИКЭ в 1983 г.; комплекс

на Улан-Худжире I раскапывался Г. И. Боровкой в 1925 г. [Боровка, 1927, с. 77], а Эрдэнэмандал IV — Каракорумским отрядом СМИКЭ в 1981 г. [Войтов **].

Подтип Г. Памятники этой группы утрачивают кирпичные храмы. Хотя на комплексе Унгету II при раскопках обнаружены остатки 14 столбовых конструкций, расположенных прямоугольником вокруг каменного ящика, предположение о наличии здесь в прошлом деревянной храмовой постройки [Войтов и др., 1977, с. 587; Волков и др., 1979, с. 596—597], возможно, не имеет оснований. На этих столбах вполне могли быть повешены лошадиные шкуры с головами и конечностями, поскольку такой обряд существовал у древних тюрков и половцев [Бичурин, 1851, с. 270; Рубрук, 1911, с. 86]. Раскопки на памятниках Эрдэнэмандал VI и Цаган-Обо II не производились, но планы сняты в 1981 и 1983 гг.

Памятники III типа (табл. 3)

Этот тип составляют сооружения, особенностью которых является наличие на центральных площадках двух каменных ящиков, т. е. парные комплексы.

Подтип А. Оградительные валы и рвы памятников этого подтипа вытянуты с севера на юг (Цаган-Обо III) или с запада на восток (Худуу-нур I и II), но ящики на всех них располагаются на расстоянии 2,5—5,5 м один от другого по оси север—юг. При этом ряды балбалов на Цаган-Обо III тянутся в восточном направлении, а на обоих худуунурских — в западном. Возможно, это различия этноплеменного порядка.

Памятник Цаган-Обо III был обнаружен в 1924 г. В. А. Казакевичем и В. И. Лисовским [Казакевич, Лисовский, 1924, с. 8] и вторично обследован археолого-эпиграфическим отрядом в 1983 г. Памятники на северном берегу оз. Худуу-нур, находящегося близ северо-западной оконечности оз. Терхин-Цаган-нур, были открыты в 1927 г. Б. Б. Бамбаевым [Бамбаев, 1927, с. 1—2]. В 1970—1971 гг. северный ящик первого памятника был раскопан В. В. Волковым и В. В. Свинным, а в 1983 г. южный ящик и траншея перед изваяниями — Ю. С. Худяковым и Р. С. Васильевским. В 1984 г. планы обоих комплексов и зарисовок изваяний были сделаны участниками археолого-эпиграфического отряда СМИКЭ.

Подтип Б. Памятники этого подтипа утрачивают валы и рвы, а также ряды балбалов. Ящики здесь располагаются на расстоянии 1—1,6 м один от другого по линии запад—восток. Они как бы в миниатюре копируют большие поминальные комплексы с храмами, причем в роли «храмов» здесь выступают восточные ящики. Последние не имеют орнаментов на внешних сторонах стенок, а внутри их помещены статуи людей (памятники Эрдэнэмандал сомона) или барельефные изображения

Таблица 3

Под-тип	Название памятника	Дата	Размеры ящика, м	Узор на ящике	Статуи людей	Балбалы		Вал, м	Ров
						Длина, м	кол-во		
А	Цаган-Обо III	VI—VIII вв.	1) 1,5×1,5 2) 1,3×1,3	розетки	—	270	27	27×18	внутр.
	Худуу-нур I	VI—VII вв.	1) 2,1×2,0 2) 2,3×2,1	ромбы	—	250	19	34×30	внутр.
	Худуу-нур II	VI—VIII вв.	1) 1,8×1,8 2) 2,0×2,0	—	—	74	24	18×18	внутр.
Б	Хуль-Асхете I	VI—VII вв.	1) 1×1	барельеф	2	—	—	—	—
	Эрдэнэмандал II—III	VI—VIII вв.	1) 1,4×1,4 2) 1,7×1,8	ромбы «соггы», феникс, волк	—	—	—	—	—
	Эрдэнэмандал V—Va	VI—VIII вв.	1) 1×1,5 2) 1,7×2,1 2) Уничтож.	«соггы»	—	—	—	—	—
В	Баян-Даваа-ам II	VI—VIII вв.	1) разбит	—	—	—	—	—	—
	Улан-Худжир III	VI—VIII вв.	1) 1,1×1,2 2) 1,6×1,9 2) 1,6×1,6	—	—	—	—	—	—

трех умерших лиц (Хуль-Асхете I), заменявшие собой объемные скульптуры. Перед памятником Хуль-Асхете I прежде стояли две антропоморфные стелы с козловидными тамгами на груди, причем на спине одной из них помещена неизвестная прежде руническая надпись.

Памятник Хуль-Асхете I, расположенный в 32 км к юго-западу от Могод сомона, был открыт Н. М. Ядринцевым в 1891 г. [Ядринцев, 1891, с. 47—49] и частично раскопан археолого-эпиграфическим отрядом СМИКЭ в 1984 г. Раскопкам парных комплексов у Эрдэнэмандал сомона посвящена наша статья [Войтов**].

Подтип В. Оба комплекса парных ящиков этого подтипа были найдены археолого-эпиграфическим отрядом СМИКЭ в 1983 г. Ящики, вытянутые по линии север—юг на расстоянии 1—2 м один от другого, не орнаментированы и в отличие от предыдущего подтипа утратили статуи людей. Раскопки на этих памятниках не производились.

Памятники IV типа (табл. 4)

В классификации Б. Я. Владимирцова памятники этой группы выделены в V тип. Это одиночные ящики, сохраняющие некоторые дополнительные элементы в подтипах А (балбалы), Б (изваяния людей) и В (орнаменты на стенках), последовательная утрата которых приводит к появлению простейших ящиков, составленных из четырех плит (подтип Г). Последние являются как бы переходным звеном от памятников «княжеского» типа к «рядовым оградкам», составленным из множества плит и широко распространенным во всем ареале древнетюркской культуры. Рядовые оградки, бесчисленное количество которых можно встретить на территории Монголии от степей Дариганги на юго-востоке до межгорных долин Монгольского Алтая на западе и от лесостепных районов севера до полупустынь юга, требуют специального изучения и потому в настоящую классификацию не включены.

Прежние «владельцы» памятников IV типа, безусловно, занимали самые низшие административные должности в чиновничьей иерархии древнетюркского общества, что объясняет простоту устройства поминальных сооружений и их относительную многочисленность по сравнению с памятниками предшествующих типов. Большая часть их известна лишь по кратким публикациям и архивным данным и нуждается в дополнительном археологическом обследовании.

Памятники V типа (табл. 5)

Завершают настоящую типологию пять не совсем обычных по форме памятников. Они состоят из плоских земляных хол-

Таблица 4

Подтип	Название памятника	Дата	Размеры ящика, м	Узор на ящике	Статуи людей	Балбалы		Первая публикация или год находки
						длина ряда	кол-во камней	
А	Гэлэн-хошу	VII— VIII вв.	?	?	1	?	?	[Козлов, 1949, с. 226—227] [Букинич, 1933, с. 8] найден в 1984 г.
	Шубертэ	VII— VIII вв.	?	?	1	—	1	
	Хуль-Аскетте II	VII— VIII вв.	разбит	—	—	—	1	
Б	Бархи-Жар-галант	VII— VIII вв.	?	ромбы	1	—	—	[Вяткина, 1959, с. 105—106] [Обручев, 1895, с. 76] [Радлов, 1892, с. 9; Козлов, 1949, с. 152] [Novgorodova, 1980, ил. 203, 205] [Novgorodova, 1980, с. 245]
	Чойрэнский	VII— VIII вв.	?	—	1	—	—	
	Угий-нур	VII— VIII вв.	?	ромбы?	1	—	—	
	Чуктоп-Чулу	VII— VIII вв.	?	?	1	—	—	
	Шатар-Чулу I	VII— VIII вв.	?	ромбы и львы	1	—	—	
	Шатар-Чулу II	VII— VIII вв.	?	ромбы	1	—	—	
В	Табан-Толгой	VII— VIII вв.	?	розетки	—	—	—	[Вяткина, 1959, с. 101] [Войтов**]
	Эрдэнэмандал I	VII— VIII вв.	1,4×1,5	розетки	—	—	—	
	Хонит-Ула	VI— VIII вв.	?	ромбы	—	—	—	
	Дзун-Баянула	VI— VIII вв.	?	ромбы	—	—	—	
Г	Цаган-Обо IV	VI— VIII вв.	1,5×1,6	—	—	—	—	Найден в 1983 г. найден в 1983 г. найден в 1983 г. найден в 1983 г. [Боровка, 1927, с. 79] [Войтов**]
	Улан-Худжир II	VII— VIII вв.	1,2×1,2	—	—	—	—	
	Улан-Худжир IV	VII— VIII вв.	2,4×2,0	—	—	—	—	
	Улан-Худжир V	VI— VIII вв.	1,3×1,6	—	—	—	—	
	Тарэйтын-гол	VI— VIII вв.	уничтожен	—	—	—	—	
	Эрдэнэмандал VII	VIII в.	1,4×1,6	—	—	—	—	

Таблица 5

Название памятника	Дата	Размеры ящика	Узор на ящике	Статуи людей	Балбалы		Первая публикация или год находки
					Длина ряда	кол-во камней	
Налайха	VI—VIII вв.	холмик	—	1	?	?	[Владимирцов, 1927, с. 36]
Ургинский	VI—VIII вв.	холмик	—	1	—	—	[Ядринцев, 1901, с. 4]
Хустын-ам	VI—VIII вв.	холмик; d 7 м	—	1?	1) 100 м	32	найден в 1983 г.
Тарят-бригада	VI—VIII вв.	холмик; d 5—6 м	—	—	2) 100 м	20	найден в 1983 г.
Батцэнгэл I	VI—VIII вв.	холмик; d 8 м	—	—	100 м	25	найден в 1980 г.

миков, к востоку от которых тянутся один-два ряда балбалов. На вершинах холмиков в Хустын-ам и у Тарят-бригады на средней Толе, обнаруженных археолого-эпиграфическим отрядом СМИКЭ в 1983 г., установлено по четыре не соприкасающихся друг с другом камня, причем в Хустын-ам один из камней напоминает основание сильно выветрившейся сидящей фигуры человека. Каменные изваяния при земляных холмиках в районе Налайхи и в Урге ныне утрачены, да и сами эти холмики, очевидно, уничтожены современной городской застройкой.

Предложенная классификация построена на описании главных архитектурно-планировочных признаков 55 культово-поминальных сооружений древнетюркского времени. Сведения о еще 15—20 памятниках, которыми мы располагаем, слишком отрывочны и потому не внесены в соответствующие таблицы.

Все известные ныне памятники на территории Монголии повсеместно встречаются на берегах крупных рек, ручьев и озер. Верховья Керулена и Онона были, по-видимому, той восточной границей, за пределами которой поминальные памятники «княжеского» типа не сооружались. На западе эта граница не совсем ясна, поскольку никаких данных о них в зоне от верховьев Идэра до Алтая нет, хотя «рядовые оградки» здесь нередко упоминаются в трудах исследователей XIX—XX вв. Думается, что целенаправленные поиски позволят найти памятники такого рода и в указанном районе, так как они известны в Туве, Горном Алтае, Хакасии и Восточном Казахстане.

«Княжеские могилы» в основном расположены в центральной и северной частях Монголии, в зоне Хангайской и Хэнтэйской горных систем. Согласно историческим свидетельствам,

Хангайское нагорье («Отюкенская чернь» рунических текстов) с VI в. н. э. являлось политическим и административным центром Восточнотюркских каганатов. Этим и объясняется сосредоточение здесь наибольшего числа изучаемых объектов. Прилегающие к водоемам участки степей, на которых они расположены, всегда ограничены с трех-четырёх сторон горными кряжами, увалами, руслами рек или другими естественными препятствиями, т. е. представляют собой более или менее замкнутые пространства.

Очевидно, каждая из этих локальных территорий являлась в прошлом центром земельно-пастбищных угодий, закреплённых за определёнными семейно-родовыми группами населения каганата. Здесь, под защитой гор, в зимнее время устраивались поселки-зимники, и здесь, на нетронутом в летне-осенний период травостое, до весны выпасались стада. С появлением первой весенней травы отары и табуны вновь отгонялись на отдалённые горные пастбища и жизнь во временных поселках замирала. Такая картина наблюдалась до недавнего времени у всех скотоводов-кочевников Центральной и Средней Азии.

Определёнными, «своими», земельно-пастбищными угодьями владели не только отдельные семейные или родовые общины независимо от их племенной принадлежности, но и князья и каганы, зона политико-административного влияния которых распространялась на земли всего каганата. Примером тому служат главным образом сведения письменных источников. Так, например, согласно китайским летописям, у тюрков «постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли», где он кочует со стадами, «смотря по достатку в траве и воде» [Бичурин, 1851, с. 270]. От «своей земли отделялись» (т. е. умирая покидали) герои племен, населявших в прошлом Туву [Малов, 1952]. Кюль-тегин, отправившийся в далекий поход, вынужден был вернуться в Отюкенскую чернь, чтобы защитить от вражеского набега свой дом [Малов, 1951, с. 42]. Этим местом был скорее всего Хушо-Цайдам, где впоследствии были сооружены большие поминальные комплексы в честь него самого и его брата Бильге-кагана. Шаду тардушей Кули-чуру, защищавшему западные рубежи каганата и погибшему на чужбине, поминальный комплекс был устроен в монгольской степи, несомненно на его родовой территории.

Мы исходим из предположения, что у тюрков существовал обычай, по которому после смерти главы рода или племени, военачальника или государственного чиновника, князя или кагана поминальный комплекс в его честь воздвигался в соответствии с занимаемой им при жизни должностью на его родовой земле — зимнике. Освободившуюся должность занимало другое лицо, переносившее зимник в другое место, иногда на расстояние всего в несколько километров, и, как правило, за какой-нибудь естественный рубеж, отделявший «землю живых» от «земли умершего».

Так, очевидно, после смерти Махан-тегина земли на правом берегу Баян-Цаган-гола стали заповедными (здесь был сооружен Бугутский мемориальный памятник), а новый поселок возник в пяти километрах ниже по течению этой речки, уже на левом ее берегу. После смерти безымянного лица, наследовавшего должность главы общины, на этом месте был устроен другой поминальник — Гиндин-булакский. А еще позже, уже в эпоху Второго каганата, вновь на правом берегу Баян-Цаган-гола появляется несколько «рядовых оградок», на одной из которых было установлено изваяние человека [Волков, 1981, с. 21]. Такая же ситуация наблюдается и в долине Цаган-Обо, где расположены четыре разнотипных, но уже одновременных (в пределах Второго каганата) памятника, в Хуль-Асхете, на Худуу-нуре, на Хануе близ Эрдэнэмандал сомона и т. д.

Высокая, в условиях экстенсивного кочевого скотоводства, плотность населения каганата вынуждала максимально использовать пастбищные земли, поэтому места для сооружения поминальных комплексов концентрируются на строго ограниченных участках. Этим, видимо, объясняется большая насыщенность памятников такого рода побережий Толы, Орхона, Хануя и Онгин-гола.

Здесь мы подошли к одному из самых трудноразрешимых вопросов современной тюркологии — территориально-племенному и родовому делению земель Восточнотюркского каганата, который не раз поднимался в специальной литературе. В общих чертах границы крупных племенных объединений определяются ныне достаточно хорошо на основании разного рода письменных известий, но на археологическом материале эта проблема еще не рассматривалась. Основным тормозом к ее разрешению до сих пор остается крайне слабая изученность раннесредневековых памятников Монголии. В этом плане одним из перспективных направлений работы может послужить дальнейший археологический поиск и углубленное изучение культово-поминальных сооружений «княжеского» типа, основы которых были заложены полевыми работами Б. Я. Владимирцова.

Бамбаев, 1927.— *Бамбаев Б. Б.* Предварительный отчет о работе в этнолого-лингвистическом отряде научной экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Тувы в 1927 г.— Архив Института истории АН МНР. Дело 45,2.

Бичурин, 1851.— *Иакинф*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч. 1—3. СПб., 1851.

Боровка, 1927.— *Боровка Г. И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— Северная Монголия. Вып. 2. Л., 1927.

Букиннич, 1933.— *Букиннич Д. Д.* Записи о поездке в верховья Кукшин-Орхона. Архив Института истории АН МНР. Дело 17,6.

Владимирцов, 1927.— *Владимирцов Б. Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— Северная Монголия. Вып. 2. Л., 1927.

Войтов и др., 1977.— *Войтов В. Е., Волков В. В., Кореневский С. Н., Новго-*

- рдова Э. А. Археологические исследования в Монголии.— АО 1976. М., 1977.
- Войтов, 1985.— *Войтов В. Е.* Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889—1958).— Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Войтов*.— *Войтов В. Е.* Каменные изваяния из Унгету (в печати).
- Войтов**.— *Войтов В. Е.* Древнетюркские памятники на Хануе (в печати).
- Волков и др., 1979.— *Волков В. В., Новгородова Э. А., Войтов В. Е.* Работы на Чулууте и в Хара-Хорине.— АО 1978. М., 1979.
- Волков, 1981.— *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
- Вяткина, 1959.— *Вяткина К. В.* Археологические памятники в МНР.— СЭ. 1959, № 1.
- Доржсүрэн, 1957.— *Доржсүрэн Ц.* «Шивээт улаан» гэдэг юу вэ? — Шинжлэх ухаан, техник. 1957, № 1.
- Доржсүрэн, 1958.— *Доржсүрэн Ц.* 1956—57 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн. Улаанбаатар, 1958.
- Казакевич, Лисовский, 1924.— *Казакевич В. А., Лисовский В. И.* Отчет сотрудников Ученого комитета о поездке на водораздел р. Толы и Кэрулена 5—14 июня 1924 г.— Архив Института истории АН МНР. Дело 45, 4.
- Клеменц, 1895.— *Клеменц Д. А.* Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г.— СТОЭ. Вып. 2. 1895.
- Кляшторный, 1964.— *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный, 1966.— *Кляшторный С. Г.* Тоньюкук — Ашидэ Юаньчжэнь.— Тюркологический сборник: К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966.
- Кляшторный, 1977.— *Кляшторный С. Г.* Эпиграфические работы в Монголии.— АО 1976. М., 1977.
- Кляшторный, 1978.— *Кляшторный С. Г.* Эпиграфические работы в Монголии.— АО 1977. М., 1978.
- Кляшторный, 1980.— *Кляшторный С. Г.* Эпиграфические работы в Монголии.— АО 1979. М., 1980.
- Кляшторный, 1984.— *Кляшторный С. Г.* Советско-монгольская экспедиция.— АО 1982. М., 1984.
- Кляшторный, Лившиц, 1971.— *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута.— Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971.
- Кляшторный, Лившиц, 1978.— *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников в Центральной Азии.— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Козлов, 1949.— *Козлов П. К.* Путешествие в Монголию: 1925—1926 гг. М., 1949.
- Котвич, 1914.— *Котвич В. Л.* Поездка в долину Орхона летом 1912 г.— ЗВОРАО. Т. 22. Вып. 1—2. СПб., 1914.
- Малов, 1951.— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951.
- Малов, 1952.— *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1952.
- Обручев, 1895.— *Обручев В. А.* Список древних могил, замеченных на пути из Кяхты в Ургу и Калган.— СТОЭ. Вып. 2. 1895.
- Радлов, 1892.— *Радлов В. В.* Предварительный отчет о результатах экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхон.— СТОЭ. Вып. 1. 1892.
- Рамstedт, 1914.— *Рамstedт Г. И.* Как был найден «селенгинский камень». Перевод надписи «селенгинского камня».— Тр. ТКПОРГО. 1912. СПб., 1914, т. 15, вып. 1.
- Рубрук, 1911.— *Иоанн де Плано Карпини.* История Монгалов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911.
- Руднев, 1912.— *Руднев А. Д.* Новое открытие в Монголии.— Речь (газ.). СПб., 07.10.1912.
- Сэр-Оджав, 1960.— *Сэр-Оджав Н.* Археологические памятники Монголии.— Современная Монголия. 1960, № 7.

- Сэр-Оджав, 1962.— *Сэр-Оджав Н.* Древнетюркские памятники Монголии.— Современная Монголия. 1962, № 7.
- Харжаубай, 1979.— *Харжаубай С.* Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан.— StH. 1979, t. 14, fasc. 2.
- Харжаубай, 1982.— *Харжаубай С.* Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалын тухай дахин өгүүлэх нь.— StA. 1982, t. 10, fasc. 7.
- Ядринцев, 1889.— *Ядринцев Н. М.* Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона.— ИВСОПГО. 1889, т. 20, № 4.
- Ядринцев, 1892.— *Ядринцев Н. М.* Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае.— СТОЭ. Вып. 1. 1892.
- Ядринцев, 1901.— *Ядринцев Н. М.* Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г.— СТОЭ. Вып. 5. 1901.
- Erdélyi, 1978.— *Erdélyi J.* Előzetes jelentés az 1974. Évi Mongol-Magyar régészeti expedíció munkalatairól.— Különlenyomat az archaeologiai értesítő, 106, évi 1. Budapest, 1978.
- Jisl, 1961.— *Jisl L.* Archeologicke pamatky v Mongolské Lidove Republice.— ArR. 1961, XIII, № 1.
- Novgorodova, 1980.— *Novgorodova E.* Alte Kunst der Mongolei. Lpz., 1980.
- Radloff, 1895.— *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Bd. 3. СПб., 1895.
- Tryjarski, 1966.— *Tryjarski E.* The Present State of Preservation of old Turkic Relics in Mongolia and the need for the Conservation.— UAJ. 1966, vol. 38.